

УДК 17.023.351

Т.И. Макогон**К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ СИСТЕМ И ТОПОЛОГИИ**

Целью данной статьи является определение возможностей применения инструментария системного анализа и топологической рефлексии для исследования местных сообществ как социально-бытийствующих субъектов; выделение аргументов использования оперативных, ретивных и топологических моделей социальных систем для построения локальных социальных конструкций.

Ключевые слова: локальное сообщество, теория систем, топология, операциональные модели социальных систем.

Новые реалии развития российского социума требуют иных подходов к управлению социально-экономическим развитием городов, районов, поселений, которые должны опираться на специфику местных условий и местный потенциал. Становится особенно важным развитие таких социальных образований, как местные сообщества. По словам А.С. Ахиезера, в России на протяжении многих лет «не развивалось в должных масштабах умение формировать общество, способное эффективно разрешать свои проблемы» [1. С. 31].

Местное сообщество – это организованное, обретшее социальную структуру население. Такое сообщество возникает, когда люди организуются, связываются друг с другом, чтобы совместно решать те или иные проблемы своей жизни. «Формирование структуры местного сообщества и социальных отношений происходит на основе общественной самоорганизации и институционализации различных инициатив местного сообщества» [2. С. 12]. Однако структурирование самого населения, организация его, создание благоприятных условий для возникновения местных эффективных действующих местных сообществ пока очень робко объявляются стратегической задачей, нет и фундаментальных исследований на эту тему. Местное сообщество (историческая, культурная, соседская общность людей) – это не просто люди, проживающие на одной территории в пределах определенных границ и обладающие соответствующими социальными институтами, но и субъект активности, в том числе управленческой, способный на основе совместных ценностей (сопричастности к малой родине, совместного воспитания подрастающего поколения и т.д.) и ответственности вести местное хозяйство, повышать качество услуг, осуществлять благоустройство территории в соответствии со своими интересами, постоянно улучшая качество жизни. Именно здесь возникает фундамент любой гражданской самоорганизации. Управляющее воздействие в такой социальной системе, как местное сообщество, будет эффективным в той мере, в какой оно соответствует внутренним тенденциям ее саморазвития. Сообщество выступает совокупным социально-бытийствующим субъектом общественного действия, что подразумевает не столько целостность и единство, сколько совокупность объединений самого различного

масштаба и уровня, и воплощение широкого разнообразия взглядов, позиций, ценностных установок. Взаимодействие функционирующих в таком сообществе субъектов становится соединительной тканью, пространством, его топологическим полем.

Формирование местных сообществ, во-первых, предполагает все более и более дифференцированное деление на слои, профессии, этнические группы, организации территориальные, по интересам, формальные и неформальные, политические и др. Во-вторых, оно требует наличия или создания коллективных представлений, которые смогли бы послужить цементирующим субстратом, создающим или усиливающим отношения. И, в-третьих, оно нуждается в создании систем эталонных взаимоотношений между членами местного сообщества, которые позволили бы как сформировать само сообщество, так и обеспечить его стабильное развитие с учетом культурной, экономической и этнической и пространственной специфики.

Для эффективной организации и управления такими социальными системами, как местные сообщества, необходимы иные формы их анализа. Нам видится перспективным привлечение топологии к их исследованию, что предусматривает учет их пространственных характеристик. Топология – это учение о месте. При этом рассматриваются все пространственно обозначенные понятия местных сообществ, даже такие, как атмосфера, настроение, ситуация и др. Понятие топологии, или топологическая рефлексия пространства, как бы возвышается над относительным пространством и ведет к иному, более всеобъемлющему пониманию пространства, места. Место оборачивается социальным полем и не только соединяет людей, но и проникает в них.

Философская топология – это теория конкретного места, конкретная логика местного сообщества, объясняющая, как индивиды могут взаимодействовать в сообществе, рассматривающая различные виды взаимодействия, посредничества и выделяющая среди них взаимодействия, обусловленные именно самим местом. Чтобы выстроить топологическую систему построения местных сообществ, необходимо разработать систему их сравнения, соотнесения друг с другом, соизмерения их уникальности, чего не дает ни один другой универсум меры. Мы также пришли к выводу, что для выявления возможностей многомерной реализации философского дискурса о местных сообществах необходимо прежде всего обратиться к системной методологии. Для анализа местных сообществ не применима методология, имеющая внешний по отношению к объекту характер, предполагающая предзаданность и единственность поставленной цели. Обратившись для описания местных сообществ к теории систем, нам пришлось рассмотреть разные системные курсы, чтобы найти единство во множестве толкований системно-теоретических исследований в их применении к анализу местных сообществ, как социальных систем.

Нами проанализированы три системно-теоретических направления: интервенционно-техническая теория систем; теория самоорганизации и структурная теория систем. Они друг друга дополняют и могут быть применимы для нашего исследования. Интервенционно-техническая теория систем определяет возможности целенаправленного вмешательства в систему, возможно-

сти управления ею, выводом определенных логических констант при таком вмешательстве.

Теория самоорганизации помогает направить свой взгляд на внутренние процессы в системе, описать, как из микроскопического наблюдаемого процесса образуется макроскопический порядок, как возникает сама система как органичное единство. Знаковым для теории самоорганизации является различение макро- и микросистемных полей и их взаимовлияние.

Третья категория системно-теоретических описаний – структурная теория систем – рассматривает вопросы построения системы, дает понятие самой системы, какие факторы ее характеризуют, из чего система состоит и возможно ли её перестроить или на ее месте создать новую, и определяет, какого типа является порядок или беспорядок в ней. Структурная теория систем делит системы на два разных типа: оперативную и ретивную (lat.: Rete – сеть) системы. Мы попытаемся показать, насколько эффективно применение той и другой при анализе социальных систем местных сообществ.

Оперативные модели социальной системы

Для оперативных моделей социальных систем важно понимание термина «операция». Оперативная социальная система – это коммуникационная система. Коммуникации в ней являются искомыми операциями, они все являются однотипными, образуя через эту однотипность и самореферируемость единство оперативной социальной модели системы. Многие авторы считают, что из самореференции следует автопоэзис и оперативную социальную систему можно представить как машину коммуникаций, или коммуникационную машину. Коммуникационная машина заботится о том, чтобы каждая коммуникация присоединилась к предыдущей и чтобы возникала непрерываемая цепь коммуникаций.

При исследовании местных сообществ с помощью оперативных моделей социальных систем очень важно определить место человека в них. Человек как психическая система относится к окружению социальной системы. Так как оперативный дискурс исходит из одинаковых типов операций, коммуникации не могут находиться вместе с операциями в одной и той же системе. Значит, должны существовать две операциональные закрытые системы, которые взаимно ограничены. Индивиды образуют окружение, мир социальной системы, но не являются ее элементами. Это называется, по Питеру Фуксу, «исключением», «экстернализацией» человека из социальной системы. «Человек как психическая система является для социальной системы производителем шума, источником шума и чужеродным телом» [3. С. 9]. Однако как мир социальной системы психические системы питают социальные системы энергией, без которой социальная система не может работать. Исключение человека из социальной системы помогает разделить социальное и психическое и выявить их специфический характер. Оперативная модель социальной системы полностью свободна от любых психических факторов. Феномены, связанные с оперативной моделью социальной системы, являются при этом чисто социальными феноменами. Так как психическая система принадлежит к окружению социальной системы, она не может коммуницировать. «Человек

не может коммуницировать, коммуницировать может только коммуникация» [4. С. 31]. Несмотря на то, что оперативные модели социальных систем рассматривают человека как окружающий мир системы, психические и социальные системы из-за отношений окружения не могут быть не связанными между собой. Н. Луманн использует персональное, фамильное включение человека в социальную систему в метафорическом смысле. «Понятие включения используется Н. Луманном как внутреннее проникновение и не означает включение индивидуума в социальное, а означает, что он ставит в распоряжение собственную комплексность для строительства социальной системы» [5. С. 643–644]. Как раз на примере местных сообществ реально показать, какими тесными фактически являются отношения между психическими и социальными системами. В местных сообществах коммуницируют персонально, именно в них заметно участие каждой персоны, и важность психических систем индивидов здесь реально видна.

Ограниченность применения оперативной социальной модели при анализе местных сообществ

Мы пришли к выводу, что теория социальных систем местных сообществ не может быть ограничиваема коммуникативной теорией. По мнению Г. Турела, в оперативной социальной модели характер социального имеют только коммуникации, «другие формы общественного участия маргинализированы» [6. С. 211–212]. Постоянное фокусирование внимания только на коммуникациях и на оперативной связи сужает видение местного сообщества как модели социальной системы. Коммуникации оперативной системы – это состоявшиеся присоединения, связи. Оперативная система характеризуется тем, что операции цепляются одна за одну, образуя цепь. Фокусировка на проблеме оперативного присоединения подталкивает свести более сложные процессы к более простым. При применении модели оперативной социальной системы мы вынуждены направлять свое полное внимание в область коммуникации «лицо-в-лицо», как аргумент на аргумент, ответ на вопрос, рассказ на требование и т.д. Оперативный дискурс нам не дает понять, откуда происходит присоединение, из внутренней или из внешней перспективы, мы не можем оценить случаи, когда присоединение происходит не тотчас же, а через какое-то время, и имеет ли социальная система межвременное существование. Сосредоточивание внимания на проблеме присоединения в оперативной системе дает возможность ответить на вопрос, каков механизм действия. Отсюда следует, что оперативные модели полагаются меньше на объяснения, а больше на классификации и типологизацию операций, пренебрегая разнообразностью социального в местных сообществах. Для того чтобы коммуникации, цепляясь друг за друга, образовывали самостоятельную социальную систему, для оперативной модели необходимо, чтобы коммуникации оперативной цепи были одного вида. Без однотипных операций нет присоединения, без присоединения нет оперативной социальной системы. Возникает тенденция, что в погоне за одинаковыми коммуникациями теряется возможность осознания различных видов социального в местных сообществах. При точном рассмотрении очень мало коммуникативных типов фактически отве-

чают идеальной картине оперативной коммуникации, которая самостоятельно совершается и сама заботится о присоединении. Эту идеальную картину оперативной коммуникации можно усмотреть только при процессах массовой коммуникации. При моделировании интерактивных коммуникационных процессов в местных сообществах важны содержание, направление и форма коммуникации, нежели простая констатация факта состоявшейся коммуникации без привязки к месту или направлению. Оперативная теория социальных систем игнорирует субъекта как действующего агента. Поэтому очень сложно оперировать теорией при анализе местных сообществ, в которой человек выносится «за скобки». Все оперативные системы располагают в одинаковой степени автономией, самореференцией, автопоэзисом и одинаковым типом операций. Таким образом, можно сказать, что архитектура оперативных систем не располагает большой вариативностью. И мы вынуждены безвариантно модели социальной системы накладывать на социальную действительность и нивелировать возникающие социокультурные различия в местных сообществах искусственно, отсекая все, что не попадает в модель, и это дает большие погрешности в её построении. Местные сообщества требуют более гибкого, вариативного подхода при их анализе.

Ретивные модели социальной системы

Существует иная модель социальной системы, отличающаяся от оперативной, – это ретивная модель. Ретивные системные модели – это сетевые модели систем, которые по виду напоминают образ сети и противопоставляются оперативным системам, которые ориентируются на образ цепи. Г. Шипек о сетевой, ретивной модели социальной системы говорит как о различных «психосоциальных образованиях, которые содержат диверсивные контакты друг с другом, например многосторонние обмены между клиентами, обмены познаниями, координация их деятельности» [7. С. 240]. Сетевые системы очень вариабельны, они могут меняться, не изменяя своего сетевого образа, они пространственны, т.е. представляемы и изображаемы в пространстве. С сетями мы сталкиваемся во многих местах: паутина, силки, сеть улиц, рельсов, телефонные сети и самолетные трассы, электросети и информационно-технические сети, Интернет. Образ ретивной системы можно сравнить со скульптурой, которая находится в пространстве и визуально представляема. Ретивная модель социальной системы – это сеть взаимодействующих индивидов. Сетевая социальная система подчеркивает, что и из отношений, и из индивидов возникает измеряемое понятие сообщества. Ретивная социальная система описывается как сеть, как, например, интеракции между кооперирующимися организациями, как больницы, фирмы, школы и т.д. Вместе работающие организации образуют узловые пункты сети, а интеракции между организациями образуют соединения этих узловых пунктов. В малом масштабе как сетевая структура может быть описана и группа самопомощи инвалидов, рабочая группа строителей, спорт-клуб и др., где узловыми пунктами могут быть обозначены индивиды, а соединения между ними как интеракции. Таким же примером является и местное сообщество [8. С. 115]. В таких социальных системах, как местные сообщества, главной точкой инте-

рактивной сети рассматриваются часто общающиеся индивиды. Ретивная система может быть определена в первом приближении как сеть общающихся между собой индивидов. Местные сообщества понимаются как сеть взаимоконтактов, которую создает каждый отдельный индивид в своем собственном конструкционистском достижении. Социально-системные конструкты каждого отдельного индивида не идентичны, однако сравнимы и где-то в общем смысле похожи. Ретивные социальные системные модели исходят из того, что социальные системы состоят из индивидов, события в социальных системах вытекают из действий, реальных конструктов и чувств. Индивиды в интерактивной сети переплетены, их когнитивные процессы завязаны на взаимосвязь образующихся интеракций. Именно такие сети образуют образоподобное единство модели социальной системы местного сообщества.

При использовании в анализе местных сообществ ретивной модели социальной системы нам также важно определить и увидеть место человека в ней. Так как ретивная социальная модель в первом приближении определяется как сеть взаимодействующих индивидов, то, естественно, человек получает внутри этой социальной модели определенную позицию. Возникает вопрос, насколько фактически можно вести речь о включении человека в социальную систему и какие формы включения вообще возможны? Теория ретивных социальных систем оперирует понятием «индивид» без его психологического или биологического измерения. Люди становятся компонентами социальной системы постольку, поскольку они развивают конструкты действительности и образа действий, которыми они и характеризуют систему. Человек в местном сообществе может образовывать множественные социально-системно-специфические конструкты и несложно представить его членство в них. Именно в индивиде проявляются социальные системы, компонентом которых он является, так как он располагает конструктами действительности и программами деятельности, которые характерны для этого местного сообщества. Таким образом, если рассматривать сообщество как ретивную социальную систему, мы имеем основания назвать индивида базовым компонентом местного сообщества.

Ограниченность применения ретивной модели социальной системы для анализа местных сообществ

Центральным критическим пунктом ретивной социальной модели является то, что она имеет много объектов, поэтому её считают сложной для употребления. Поскольку человек является условием существования социальной системы, то нет никакого основания тематизировать его внутри системной модели. Сетевая система базируется на понятии отношений, которое само по себе мало используется в ретивной модели. Ретивные социальные модели исходят из того, что индивиды образуют совместный конструкт, с которым они соотносятся в системно-типических интеракциях в местных сообществах. Приверженцы оперативного дискурса сомневаются, что можно прийти к образованию совместного конструкта. Конструкта не может быть, так как психическая система не имеет памяти, где бы этот конструкт хранился. Отсюда формулировка «совместный конструкт» выступает в этой системе как опре-

деленное противоречие. И самый серьезный аргумент против ретивной модели социальных систем – из предпосылок ретивного дискурса не может быть развита ясно объясняемая и реально употребляемая общественная теория. Если такую теорию пробуют развить, то результатом, по Н. Луманну, получается «октоподестическая» общественная теория. В этой теории «общество должно являться, как великий осьминог, как единство не только 8, но и 5 или 6 миллиардов относительно независимых, однако в любом случае одновременно взаимодействующих органов, которые обходятся минимумом мозга и не могут достичь темпа координационных процессов, что было бы необходимым, чтобы поставить под контроль огромные площади окружающего мира» [9. С. 480].

Очень важно выяснить, насколько ретивные модели в состоянии тематизировать социокультурные различия внутри системной модели местных сообществ. При использовании ретивных социальных моделей в исследовании местных сообществ выявляются различия в их преимущественной ориентации на взаимоотношения или индивидуальное поведение. При шкалировании социокультурных различий в местных сообществах часто получается, что эти различия легко переходят в свою противоположность. Чем точнее шкала показывает социокультурные различия, тем сильнее определяются эти различия как непримиримые между местными сообществами: высокая автономия / умеренная автономия, сильные пересечения / слабые пересечения, сильная ориентация на взаимоотношения / слабая ориентация на взаимоотношения, сильная индивидуальная ориентация / слабая индивидуальная ориентация. Шкалирование различий переходит в свою противоположность потому, что шкала стремится выбрать такие критерии, чтобы различия подчеркнуть четче. И в этом-то состоит опасность противопоставления одного местного сообщества другому. Когда используется шкала, на которой нанесены «слабый», «сильный», возникает опасность описывать социокультурные различия местных сообществ языком недостаточности или дефицита. Например, социальную культуру Томска и Москвы рассматривать через дефицит: Томску не хватает сильных индивидов, а Москве – сильных взаимоотношений. Создается впечатление, что жизнь в каких-то местных сообществах дефицитна и неудовлетворительна. Чтобы социокультурные различия описать с помощью ретивной социальной модели, необходимо тематизировать эти различия внутри этой сетевой модели социальной системы.

Топологическая модель социальной системы

Представленную выше сетевую модель можно называть **полицентрической**, в которой каждый узел сам для себя является соединительным пунктом. Но есть и другой вариант сетевой ретивной модели социальных систем, эта модель может быть названа **топоцентрической**, в ней соединительные линии, пролегающие в пространстве, собираются в одном месте в виде зонтика. Чтобы понять, насколько эти два типа моделей позволяют тематизировать социокультурные различия в местных сообществах, следует помнить, что различия между двумя моделями социальных систем лежат не в плоскости градуирования, а имеют качественную природу. При тематизации мо-

дели, в которой показываются преимущества и недостатки, нельзя считать, что одна или другая модель является более осмысленной или более употребляемой. Ценным является то, что мы можем оперировать и топоцентрической, и полицентрической моделями ретивных систем.

Чтобы показать различия между полицентрической и топоцентрической сетями, надо проанализировать соединение между двумя пунктами сети, т.е. двумя субъектами. Первый образец взаимодействия между Я и Ты видится как линейное отношение между двумя пунктами. Сеть, которая соответствует прямому соединению одного пункта с другим, обозначена нами как полицентрическая. Однако невозможно исходить в моделировании социальных отношений из сетевой модели, которая моделируется в виде отношений между Я и Ты только прямыми линиями. Каким образом можно изобразить соединение между сетевыми пунктами иначе, чем прямое линейное соединение? Если коммуникацию изобразить пространственно, получаем соединение между двумя пунктами как путь через место, через сообщество. С помощью топологических соотношений можно показать иное соотношение между Я и Ты. Рядом со структурой прямого соединения узловых пунктов может существовать топологическое соединение, которое проходит как пространственный обход через общее место, которое можно понимать как место сообщества. Представление о том, что возможно эффективное соединение двух сущностей через пересекающийся третий пункт и что прямой путь не всегда самый эффективный пункт, в социальных науках не ново. К. Левин при изучении топологического пространства в математике говорит о холологическом пространстве, которое отличается от евклидова пространства существенно, и на место кратчайшего соединения между двумя сущностями приходит иной, отличный путь. «В каком направлении будет пролегать этот отличный путь, не регулируется правилами евклидовой геометрии, а зависит от ситуации момента и состояния соответствующей персоны» [10. С. 286]. Это означает, что иногда иной путь, воспринимаемый сторонним наблюдателем на основе евклидовой геометрии как обходной путь, может быть для соответствующей персоны в ситуации конкретного момента самым успешным. Действительные жизненно измеряемые расстояния могут также иметь эти обходные пути. Конкретная близость или дальность не всегда может измеряться геометрическим масштабом. Соединения между узловыми пунктами топоцентрической сети обозначаются линиями, распростертыми в пространстве, которые сходятся в одном месте. Ничего, кроме места соединения, не находится между узловыми пунктами, что собственно не удивительно, так как это черты любой сети, в которой всегда есть «дыры». Однако в экстраполяции на местные сообщества пространство между человеком и человеком не может быть пустым, оно всегда наполнено, как ни странно это звучит. Концепт заполненного пространства состоит в социальном общем поле. И если мы представляем линии зонтика, выходящие из одного центра, то между ними простирается своеобразное пространство поля. Взаимоотношения между узлами такой модели можно назвать полевыми соединениями, топологическими соединениями или топологическими отношениями, что непосредственно подразумевает соединения через место или через поле. Топологическое соединение имеет местную или полевою привязку. В топологической системе взаимоотношения

конкретные, особые, которые сами, как сеть, охватывают индивида, а не отношения от пункта к пункту, как в полицентрической сети между индивидами. Тут можно вести речь о распространяемых полях, ситуативных полях между индивидами. То есть индивиды находятся в месте, в определенном поле. Элементы топологической системы не стоят напротив их соединяющего поля, как элементы полицентрической системы стоят друг напротив друга. В топологической системе поле должно быть так обозначено, что отдельные узлы сети в нем находятся, а не просто с ним граничат. Только так можно понять, что значит находиться в месте, поле. Индивиды в полицентрической модели тоже находятся в системе, но там нет поля, в котором они находятся, поля, становящегося для них центром. Индивиды в топологической сети функционируют сами как центры, распространяющие отношения. Именно этим и отличается топологическая социальная модель, обозначаемая полем, где индивиды познают свою позицию еще раньше того, как они становятся центрами. Поле, понимаемое таким образом, не может быть сравнено с метафорой контейнера, так как контейнер имеет внутри пустоту. Когда пространство понимается как образный медиум, только тогда можно предположить, что значит «быть в нем». Находиться или быть в пространстве, поле, месте – это означает не только то, что поле охватывает индивида, это означает и то, что индивид пропускает его через себя, пронизывается им. Обжитое поле, проживаемое место, социальное поле воспринимаются не как просто окружающий мир, а как местный медиум, где раскрываются индивиды в социальной жизни. В топологической социальной системе пространство, находящееся между людьми, является топологическим медиумом, пронизывающим человека. В этом медиуме человек находится и именно в нем он связан с другими людьми. В топологической модели социальной системы пространство воспринимается как нечто, в чем каждый индивид имеет свое участие. Индивидуальное функционирует не как законченное единство, а как часть пространства, в котором оно находится.

Показывая различие между топоцентрической сетью и топологической системой, мы получаем возможность указать, в каком статусе понятие поля вводится в системную теорию. Если топоцентрическая сеть (в узком смысле слова) еще обходится без понятия поля (например, виртуальные пространства в Интернете), то топологическая модель социальной системы поясняется уже понятием поля. Понятие социального поля является пространственным конструктом, а не темпоральным (измеряемым временем). Конструкт социального поля, конструкт пространственный или, как сейчас обозначают, спатильный. Члены одного местного сообщества находятся в одном социальном поле, окружаются топологическим медиумом и пропускают это поле через себя.

Теория социальных систем, идентифицируемая с ретивными моделями систем, с полицентрическими и топоцентрическими их разновидностями, с теорией пространства, топологией, соответствует всем критериям системной теории. Возникает новое системно-теоретическое направление, которое с введением понятия пространства и поля дает возможность описать такие сильно контекстно обусловленные социальные системы, как местные сообщества.

Существенным преимуществом топологической модели социальной системы является то, что она уживается с нетопологическими моделями систем. Модель, совмещающая полицентрические и топологические черты, более проста, чем системная модель, включающая одновременно коллективную и индивидуальную ориентацию взаимоотношений. В первом случае нам надо моделировать только различность, во втором – противоположность. Комбинируемость топологической системной модели дает возможность анализировать и понимать местные сообщества с различными социокультурными характеристиками. Применение полицентрически-топологической системной модели для описания местных сообществ позволяет учесть большую вариативность в местных сообществах, возможности и предпосылки изменения их системных качеств, выделить пространственное значение места, пространственного поля, где находится сообщество, и описать социокультурные, пространственные аспекты местных сообществ в терминах пространственной топологии.

Таким образом, мы пришли к выводу, что для исследования местных сообществ применимы методы системного анализа. Общая теория систем имеет тесную связь с теорией социальных систем. Местные сообщества могут быть проанализированы с помощью оперативных моделей социальных систем, однако более приемлемы для изучения местных сообществ сетевые модели, ретивные модели социальных систем с полицентрическими и топоцентрическими их разновидностями. Привлечение топологии и теории пространства для изучения местных сообществ, введение понятия поля, места расширяют возможности описания таких разноплановых социальных систем, как местные сообщества.

Литература

1. *Aхиезер А.С.* Между бедностью и богатством // Генетические коды цивилизаций: Матер. конф. М.: Изд-во МГУ, 1995. Вып. 4. С. 29–35.
2. *Гордиенко А.А.* Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе. Новосибирск: Административное изд., 2005. 230 с.
3. *Fuchs P.* Die Umschrift: zwei kommunikationstheoretische Studien: «Japanische Kommunikation» und «Autismus». Frankfurt a. M., 1995. 44 S.
4. *Luhmann N.* Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1990. 62 S.
5. *Martens W.* Die Autopoiesis sozialer Systeme // Koelner Zeitschrift fuer Soziologie und Sozialpsychologie. 1991. Jg. 43. Heft 4. S. 625–646.
6. *Tyrel H.* Systemtheorie und Soziologie der Familie - ein Ueberblick. Teil I: Soziologische Systemtheorien und Familie // System Familie. 1988. № 1. S. 207–219.
7. *Schiepek G.* Selbstreferenz und Vernetzung als Grundprinzipien zweier verschiedener Systembegriffe // System Familie. 1989. № 2. S. 240.
8. *Latka T.* Topisches Sozialsystem. Die Einfuehrung der japanischen Lehre vom Ort in die Systemtheorie und deren Konsequenze fuer eine Theoriesozialer Systeme. Frankfurt a. M., 2003. 308 S.
9. *Luhmann N.* Gesellschaft als Differenz // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Jg. 23, Heft 6,12/94. S. 477–481.
10. *Lewin K.* Der Richtungsbegriff in der Psychologie. Der spezielle und allgemeine hodologische Raum // Psychologische Forschung. 1934. 19. Bd. S. 249–299.